

КУЛЬТУРОСООБРАЗНЫЕ ПРАКТИКИ

DOI 10.24411/1813-145X-2018-10125

УДК 008:316.42

И. А. Едошина

<https://orcid.org/000-0002-4265-3611>

Современная культура в проблемном поле именованья (на примере книги Яна Пробштейна «Две стороны медали»)

Название текста статьи определило его целевую направленность. В статье на основании культурологического подхода к книге стихов «Две стороны медали» переводчика и поэта Яна Пробштейна (род. 1953) выявлены некоторые специфические стороны современной культуры в проблемном поле именованья. Соответственно, обозначенная цель раскрывается в ряде задач, которые представлены здесь как уже получившие свои итоговые смыслы. Отмечено, что проблема именованья тесно связана с бытийствованием феноменов культуры и корнями уходит в древние культуры, приведены соответствующие примеры. Специальное внимание уделено тесной связи художественного решения обложки книги с ее именованьем, что является своеобразной эмблематической репликой, отражающей значимость для авторского сознания синтеза визуального и вербального. Отсюда – образ двуликого Януса (вариант двух сторон медали) как alter ego «я» поэта. Проведена систематизация стихов по их именованьям, отмечена специфика именованья (визуальная и смысловая). Выявлены в аспекте именованья условные блоки – «детство», «корни», «эмиграция», «история», в которых общий драматизм бытия авторского «я» не лишен подчас чувства горькой иронии. Отмечены наиболее значимые, с точки зрения автора статьи, литературные аллюзии, примеры явного и скрытого цитирования имен и произведений классиков литературы, что нашло отражение в проблемном поле именованья. В заключение утверждается, что в современной художественной культуре именованье не утратило своей актуальности, продолжая выполнять смысловые и образные функции.

Ключевые слова: современная культура, книга стихов, древняя культура, именованье, поэтическое «я», двуликий Янус.

CULTURE CONFORMABLE PRACTICES

I. A. Edoshina

Contemporary Culture in the Problematic Area of Titling (based on the book of poems by Ian Probstein «Two Sides of One Medal»)

The name of the article has defined its target orientation. Based on the culturological approach to the book of poems «Two Sides of One Medal» by the poet and translator of poetry Ian Probstein (b. 1953), specific sides of contemporary culture in the problematic field of naming are revealed. It is emphasized that the problem of naming is closely related to the practice of this cultural phenomenon and is deeply rooted in ancient civilizations and cultures, corresponding examples of which have been demonstrated. Respectively, the designated purpose is revealed in a number of tasks, which are presented as already received final meanings. Special attention was dedicated to the close interrelation between the artistic aspect of the cover of the book and its title, thus creating a certain emblematic replica reflecting the importance of the synthesis of the verbal and visual for the author: hence an image of the two-faced Janus (a version of the two sides of the medal) as the poet's Alter Ego. The systematization of the poems according to their titles has been done, and the specifics of the entitling (visual and semantic) have been analyzed. In connection with the titling, relative blocks have been explicated, such as «childhood», «roots», «immigration», «history», in which the general drama of the author's persona is not without a touch of a bitter self-irony. The author of the article revealed the most important literary allusions, in her opinion, as well as the examples of explicit and implicit citations and mentions of the names and works both of the classical and contemporary authors, which, in turn, is reflected in the titles. In conclusion it is claimed that in modern art culture the naming has not lost its relevance, continuing to perform semantic and figurative functions.

Keywords: contemporary culture, a book of poems, ancient civilization and culture, naming, entitling, poetic persona, «two-faced Janus».

Ян Пробштейн (род. 1953) – известный современный поэт и переводчик, а также исследователь литературы, профессор, живущий в настоящее время в США – в Нью-Йорке. Это десятая

поэтическая книга автора, в нее вошли как новые стихи, так и уже давно написанные, изданные, но получающие здесь дополнительные контекстуальные и культурфилософские смыслы.

Казалось бы, обращение к книге стихов – область сугубо литературоведческая. Однако ее название («Две стороны медали»), будучи устойчивым словосочетанием, обращено не столько к стихам (ибо, честно сказать, ничего поэтического в этом названии не наблюдается), сколько к истории культуры. В частности, римской культуры, откуда произошли названия двух сторон медали: *aversus* (отвращенный) и *reversus* (обращенный назад). С точки зрения культурологического знания, здесь пересекаются именование и фразеологизм. Оставляя пока в стороне устойчивое словосочетание, обращусь к проблеме именованья.

Уже в древние времена именование осознавалось как основополагающая константа культуры. Так, поэма «Энума Элиш» начинается словами: «Когда вверху не названо небо, / А суша внизу была безымянна, <...> / Ничто не названо, судьбой не отмечено» (пер. В. К. Афанасьевой) [2, с. 3]. Отсюда следует, что всякое именование есть свидетельство бытия. Более того, получая имя, любой феномен культуры обретает судьбу. По Платону, в именовании запечатлено «хождение души подле вещей» (пер. Т. В. Васильевой) [6, с. 653]. Однако смысл этого «хождения» не ясен для людей: подлинным знанием о существовании связи именованья и судьбы обладают, по Платону, только боги. А людям остается тайна именованья, вечная тайна, требующая разгадки того, как в малом может содержаться многое. Название книги Яна Пробштейна вполне вписывается в очерченное мной проблемное поле.

Автор использует известный эмблематический прием: соединение текста с изображением в расчете на разные уровни восприятия. Как заметил А. Е. Махов, «эмблема – это “герменевтический инструмент”, ибо она толкует мир при помощи и текста, и образа» [4, с. 119]. Памятуя о «герменевтическом инструменте», попробую выявить смыслы условной эмблемы.

На обложку иерархически (сверху вниз) вынесены имя и фамилия автора, ниже – название «Две стороны медали», под названием – изображение двуликого Януса, внизу этого изображения сделана врезка «книга стихов». Таким образом, автор замыкает собой название и «картинку», уже на обложке задавая общий вектор движения. Изображение двуликого Януса есть своеобразная отсылка автора к самому себе, ведь его имя – Ян. Его предки из Польши, он родился в России, живет в Америке и читает американцам курсы по истории англоязычной литературы. Пробштейн даже не двуликий, а многоликий Янус: ведь он еще и переводчик, причем очень тонкий, велико-

лепно чувствующий (на кончиках пальцев) того, чьи тексты переводит с английского, испанского, итальянского, русского и польского языков.

По Сервию, «Janus происходит от слова “janua” – *двери, ворота*, то есть это римский бог входов и выходов, и всякого начала жизни человека. ... Классическое изображение этого бога: с ключами, 365-ю пальцами по числу дней в году, который он начинал, и с двумя мужскими старым (прошлое) и молодым (будущее) лицами, смотрящими в разные стороны головами, откуда его эпитет “двойной” (*Geminus*)» [цит. по: 5, с. 683]. Казалось бы, автору книги все эти характеристики не чужды, не напрямую, конечно, а подчеркиванием многого в одном. Однако Ян Пробштейн избирает для обложки иное изображение, где соединены мужская и женская головы.

Не берусь однозначно трактовать смысл авторской задумки, но в книге есть лист, на одной стороне которого стихи «Губительный изгиб» (1994), а на другой – «Нежный ужас» (1995), оба стихотворения с посвящением «Н. К.». Первое открывается вопросом: «Губительный изгиб, / излом бровей, излук – / из тетивы бровей, из лука / лучится свет или коварство?» [7, с. 21], а на обороте не прямой как бы ответ: «Просторен мир, но в каждый день / вхожу я тесными вратами, / попробуй, бремена продень / в ушко иголки – за плечами / то ль два горба, то ль крыльев сень, / и нежный ужас пред глазами» [7, с. 22]. Слова «нежный ужас» неизбежно вызывают в памяти известную картину Льва Бакста «Terra antique» с летящими с небес смертоносными грозowymi стрелами и архаической улыбкой невозмутимой богини на переднем плане. Эта ассоциация, стихи, изображение рождает муже-женский образ, целостный в своей неразделенности, столь близкий культуре конца XIX – начала XX в. и, полагаю, автору стихов.

В *pendant* и название книги «Две стороны медали». Хотя здесь есть, конечно, свои нюансы. Как правило, медаль имеет лицевую (аверс) и оборотную (реверс) стороны. По мнению специалистов, границы между аверсом и реверсом в медалях довольно расплывчатые. Вот и у книги нет места издания – год есть, а места нет. Эта топосная неприкрепленность словно вторит неопределенности границ сторон медали в названии и двуликому Янусу в изображении. В самой книге ближе к ее финалу помещен текст под названием «Две стороны медали» (2005) с эпиграфом из А. Блока «Да – скифы мы». Утверждая, что «жизнь человека измерена и рассчитана», автор рисует картину советской истории от оттепели по первые полтора десятилетия перестройки. Это не эпическое по-

лотно, а скорее наиболее существенные (хотя и не без иронии), с его точки зрения, штрихи в истории, закончившейся тем, как «близнецы-братья / ... задушили страну в объятьях» [7, с. 140]. Отечественная история в ракурсе двух сторон медали выглядит, если воспользоваться определением Пробштейна, «ощипанной». В историю страны (а здесь эта история сопрягается ее литературой) автор вписывает свою судьбу: до эмиграции и после эмиграции, тоже своеобразные две стороны медали. Станным образом советско-российская история вторит американской, рождая библейские мотивы – Каина и Авеля, а еще имплицитно – бездомности души человеческой в этом огромном мире.

Таким образом, соединенные на обложке «Две стороны медали» в названии и «Двуликий Янус» в изображении рожают эффект двоящегося и потому подвижного бытия человека. Прошлое и настоящее, частное и общее все время перетекают одно в другое, образуя «живой узел» (П. А. Флоренский) бытийствования лирического (шире человеческого вообще) «я» в поэтической книге Яна Пробштейна.

Книга открывается тремя стихотворениями – «Жемчужина» (1993), «Арсению Тарковскому» (1982), «Млечность мира» (без даты). Как видим, стихи не выстраиваются автором по хронологическому принципу, здесь иная закономерность, скорее, отражающая прихотливость свободно текущей мысли, не ведающей временных зависимостей. Мысль движется от водного дна мира («моллюск, / на дне морском в ракушке сгусток слизи»), которое одновременно есть дно времени («И мы с тобой глядим со дна времен, / как зреющие зрячие жемчужины») в «Жемчужине» [7, с. 6], к хрусталика глазного кривизне, разрушающей «торжество Эвклида, / на параллели глядя», в стихотворении «Арсению Тарковскому» [7, с. 7], чтобы в «Млечности мира» попытаться «по осколкам / восстановить разбитый образ» [7, с. 9]. Если просто судить по названиям этих стихов, то никакой взаимосвязи не открывается, она становится явной только при чтении. Это – своеобразный (условный, конечно) зачин, определяющий художественные параметры всей книги, где ритмическая организация стиха рождается из фонологической изысканности слов и словосочетаний: «Мать жемчуга, мать перла – перламутр / на дне морском стирает с перла муть» («Жемчужина») [7, с. 6]. Эти перекаты *м/пл* рожают звуко-символический ряд, через «м» отсылающий к названию как к итоговой форме, а через «рл» – к тому, из чего жемчужина сформировалась, к перламутру.

В книге Пробштейна в название выносится первая строка из стихотворения полностью (что реже) или ее часть (что чаще). Вынесение первой строки в название стихотворения – явление для поэзии довольно традиционное. Но традиционно же такое стихотворение как результат не имело названия. Иное здесь.

Стихи, в которых первая строка полностью совпадает с названием («Двор, утопающий в зелени», б/д; «А невесомость – это страх», 1991; «От злобы дня и злости городов», 1990; «Мы слов стыдились нежных, как апрель», 1993; «Человек, сгоревший в аду», 2016 и др.), дают эффект удвоения с той разницей, что сначала строка через увеличенный кегль и зачерненность отделена от всего текста, а потом словно в него возвращается, вписываясь в общую цветошрифтовую картину. Подобного рода условная подвижность вполне органична для непроясненности реверса и аверса медали. Строка вроде бы и отделена, а вроде бы и нет. Здесь буквы больше, а рядом – меньше. А текст один и тот же. Эффект пульсации. Сюда примыкают и те стихи, в название которых выносятся только начальная часть строки с той разницей, что в полном виде строка может быть построена на звуко-символизме: «Как льется свет»: «*Как льется свет* в небесный люк» [7, с. 32]; «Пусть горит печать»: «*Пусть горит печать*, печет печаль» [7, с. 44]; «Миг, рассеченный часами»: «*Миг, рассеченный часами*, иссяк» [7, с. 45].

Иногда в название выносится не первая, а последняя строка – «В поисках Атлантид» (1994). Это одно из детских воспоминаний: «Детство чем дальше, тем ближе, / хоть поросли быльем / дальние звезды над крышей / и деревянный дом» [7, с. 17]. Пробштейн облачает воспоминания в изысканную форму, энергичность которой поддерживают детство, дом и Атлантиды, объединенные в букве/звуке «д». С этой буквы/звука начинаются дом и детство и эта буква/звук «завернута» в Атлантиды. Не Атлантиду, а именно – Атлантиды. Множественное число – сколок непосредственности детских представлений о мире.

В стихотворении под названием «Грехопадение» (1997) это слово в самом тексте появляется дважды: им начинается и оканчивается стихотворение. Только вначале это «грехопадение», а в финале – «грехопаденье». Содержание стиха поясняет разницу: «Грехопадение бесшумно», в отличие от «грехопаденья» любви в «коммунальных куцах» [7, с. 23]. Совмещение библейской истории с бытом коммуналки – две стороны бытийствования двуликого Януса.

Основная масса стихов названа по фрагменту строки, которая может быть расположена в сере-

дине первой строфы («Ослепленность»: «Влю – ослепленность, одержимость» [с. 25], «Семь пятниц»: «У меня семь пятниц на неделе» [с. 49]) или в ее конце («Привкус детства»: «Отечество – как привкус детства» [с. 12], «Карнавал»: «Carnalis – праздник плоти, карнавал» [7, с. 63] и др.) Из приведенных примеров видно, что смысл названия сразу уточняется.

Иной раз слово, вынесенное в название, появляется только в начале второй строфы, как в стихотворении «Щегол» (2011): «Ты растрва, мой щегол» [с. 33]. Это стихотворение имеет неточный эпиграф («До чего, щегол, ты щеголовит») из написанного во время воронежской ссылки стихотворения О. Мандельштама «Мой щегол, я голову закину» (1936). У Мандельштама: «Сознаешь ли – до чего щегол ты, / До чего ты щеголовит» [3, с. 223]. Полагаю, что неточность в эпиграфе специальная. Пробштейн иными средствами воссоздает облик птицы: не через описание внешнего вида, как у Мандельштама, а через издаваемые птицей звуки, сохраняя через эпиграф «щегловитость» щегла. Напомню, «я голову закину» – это Мандельштам о себе, общеизвестно, что он так и ходил, закинув голову. Он пишет о щегле, а по существу – о себе. Пробштейн через образ щегла Мандельштама – о том неуловимом, что отличает поэзию.

Мандельштамовские мотивы еще как минимум дважды появятся в этой книге: один раз – открыто в названии «Памяти О. Мандельштама» (2005), в другой раз – в незакавыченном названии «Она еще не родилась», по первой строке из стихотворения Мандельштама «Silentium» (1910, 1935).

В стихотворении под названием «Памяти О. Мандельштама» Пробштейн, с одной стороны, пишет о творчестве поэта, упоминая Данте, о котором размышлял Мандельштам в «Разговоре Данте» (1933), где главное – это «новаторская поэтика необычных (почти сюрреалистических) словосочетаний» [1, с. 153]; через строку «Когда б не Данте, что нам гвельфов / погубительная схватка с гибеллинами?» [7, с. 118] делает отсылку к стихотворению Мандельштама «Бессонница. Гомер. Тугие паруса» (1915): «...когда бы не Елена, / Что Троя вам одна, ахейские мужи?» [3, с. 104-105]. Но, с другой стороны, вписывает судьбу поэта в целый ряд изгнанников, который открывается Данте («в Верону изгнан» [7, с. 118]), а далее следуют Мандельштам («иль в Воронеж», чтобы в итоге выстроить «всю жизнь по ниточке / с Варшавы до Владивостока» [7, с. 118]), Волошин («умрешь в Тавриде» [7, с. 118]), Цветаева («иль в Елабуге» [7, с. 118]). Они все – поэты и изгнанники, чьи души плывут «по небу слезному, омыто-

му / навзрыд, на взлет, на удивление, / туда, в ту даль, к истоку скрытому, / где слилось с вечностью мгновение» [7, с. 119]. Таким образом, название «Памяти О. Мандельштама» по своему смыслу много шире частной судьбы, это скорее мифологема трагического бытия Поэта в этом мире.

В высшей степени любопытно выстроено другое условно «мандельштамовское» стихотворение. В название вынесена первая строка первой строфы из стихотворения Мандельштама «Silentium»: «Она еще не родилась, / Она и музыка и слово, / И потому всего живого / Ненарушаемая связь» [3, с. 70] которое является, по существу, развернутым (не без иронии) откликом к названию. Вот этот отклик целиком:

Она еще не родилась
поэтому не умерла
а значит не воскресла
гадать об остальном друзья
сегодня не уместно
Ни в кокон бабочку нельзя
вернуть ни створки мидий
сомкнуть как будто губы
план бытия быть может грубый
мы примем в общем виде
и все начнем ab ovo
когда вернется Слово [7, с. 164].

В стихотворении нет знаков препинания, что соответствует всем «не» (*не родилась, не умерла, не воскресла*) и «ни», «нельзя». В этот контекст вполне вписывается нескрываемая авторская ирония и отсылка к началу мира – ab ovo, опять же неполному варианту латинской пословицы ab ovo usque ad mala ‘от яйца до яблок’ (в основе обычай древних римлян начинать год с яиц и заканчивать его фруктами). Неполный вариант латинской пословицы как ожидание возвращения Слова, которое было «В начале» (1993): «А все, что написано смертными было, / в одну Книгу сгустилось – в Скрижали и в Слово, что было в начале» [7, с. 75].

Но есть еще один имплицитный смысл, который также связан с Мандельштамом. Его стихотворение «Ласточка» (1920) начинается со строки «Я слово позабыл, что я хотел сказать» [3, с. 130]. Поэту без слова остается только воспоминание о поэзии, потому даже «среди кузнечиков беспамятуствует слово». Напомню, кузнечик (по-гречески tettix, на латыни cicada) был у древних символом звучащего поэтического слова, уносящегося от земли к музам («О, кузнечик, / О, счастливец» у Анакреона). У Пробштейна творчество – это когда «Игра в прятки» (название) с жизнью и ночью, где «кузнечик-одиночество звенит», порой приводит к самому себе: «...тогда и я в своем смущаюсь

сердце, / и вот, готов ей все простить за это / и выйти из хоронок: я нашелся» [7, с. 79].

Но этот процесс себя-нахождения был сложным. В книге есть несколько стихотворений, которые в названии разнятся только цифрами: первая – пятая «Нью-йоркские элегии». Эти элегии расположены автором в хронологическом порядке: 1-я элегия 1991 г., 2-я и 3-я элегии 1992 г., 4-я элегия 1993 г., 5-я элегия 1995 г., – что позволяет рассматривать их как условные дневниковые свидетельства. В название вынесен жанр – элегия. Это слово в русском языке фактически калька латинского слова *elegia*, которая этимологически восходит к греческому – *elegos* ‘жалобная песня’. В процессе освоения жанра элегия утратила специфическую организацию (дистих), зато обрела философское звучание, наполненное мотивами бренности земного бытия. «Двуязыкая» по своему происхождению и достаточно чуждая поэтическому языку конца XX в. элегия призвана передать драматическую сложность внутреннего вхождения автора в нью-йоркский топос.

В первой элегии «я» поэта оказывается «черной пешкой, простым пехотинцем», ему «остается лишь петь / да оттачивать стих / и шагать сквозь разрывы шутих / до разрыва аорты» [7, с. 53, 54-55]. Автор создает яркий и одновременно драматический зрительный образ своего бытия в Нью-Йорке: движение сквозь разрывы фонтанов к разрыву аорты. Разрывы шутих – это, возможно, воспоминание о Петергофе, парадной резиденции регулярного стиля, где по сей день действуют фонтаны-шутихи. Они отличаются внешне обычным оформлением и неожиданностью появления струй воды, обрызгивающих посетителей, ступивших на зовущую к себе зелень лужайки, решивших отдохнуть под раскидистым деревом или просто на красивой скамье. «Простой пехотинец» – двуликий Янус, чья реальность Нью-Йорк и Россия одновременно.

Во второй элегии поэтический мир собран вокруг струной гудящего Гудзона, что делит жизнь на «до» и «после». Если исходить из хронологической логики, эта элегия должна быть первой, но для поэтического сознания в ситуации *после* (Пруста или Фолкнера) временная составляющая прикрепленна не ко времени как таковому, а к моменту его проживания. Временная подвижность сказывается и в неясственной отсылке к шекспировским мотивам: «Когда бы солнце сгустком смысла, / стерев испарину с зеркал, / как мановением руки, / открыло глубину небес, – / весь мир опять бы засверкал, / и каждый миг бы в нем воскрес» [7, с. 57]. В третьей элегии – взгляд на Гудзон уже с этой стороны, со стороны Нью-Йорка,

драматизм бытия, кажется, окончательно передан явлениям природы, где «яростно-яркая зелень травы / бьется с серостью» [7, с. 58]. В четвертой элегии сквозь гудзонову природу, что равно бытийствованию «я» автора, пробиваются мотивы России: через неточную цитату из Пушкина («уж лучше посох и сума») и детские воспоминания (несбыточное Эльдorado) [7, с. 59]. В пятой элегии «разрезанный светом мир» [7, с. 83] обретает статус бытия поэтического «я» автора. В реальной жизни Яна Пробштейна это его переводческая деятельность.

Если вернуться к тому, что в название всех нью-йоркских нумераций вынесен жанр – элегия, есть еще одно стихотворение, где жанр является названием. Это «Эпитафия», написанная в том же году (1995-м), что и «Пятая Нью-йоркская элегия». По расположению в книге «Эпитафия» на полтора десятка страниц отдалена от «Пятой Нью-йоркской элегии», но через обозначение жанра примыкает не только к этой, но и ко всем элегиям в книге. Нужно заметить, что греческое слово «*epitaphios*» ‘надгробный’ в современной культуре рассматривается и как оценочный жанр (наряду с рецензией, комментариями, критическими статьями), ярким примером чему может служить «Эпитафия» Яна Пробштейна. В образно-критической форме он представил основные вехи собственной прошлой жизни и попрощался с ними навсегда: «Навек до свидания!» [7, с. 98].

«Две стороны медали» – это жизнь в ее тварной текучести, другой стороной которой является вечность библейской истории. В названиях это условный единый блок из четырех стихотворений: «Иеремия» (1982), «Видение Иезекииля» (1994), «Народ Книги» (1993), «Разрушится дворец» (1993). Во всех названиях Пробштейн обращается к эпизодам из Ветхого Завета. Иеремия – один из четырех великих ветхозаветных пророков, автор «Плача Иеремии», мотивом которого завершается стихотворение Пробштейна, где читатели и властолюбцы несчастны в равной степени. В «Видении Иезекииля» автор создает поэтический образ видения пророком Бога, которого несли на колеснице четыре крылатых херувима. Особенностью переложения является органическая стилизация древнего письма с мощными, почти скульптурными образами. «Народ книги» – это еврейский народ, которому «дважды даровал Господь Скрижали», который «со свету сживали для того лишь, / чтоб к Богу стать поближе и оставить / им Книгу их и в Книгу заключить» [7, с. 92]. Уже во второй строке стихотворения «Разрушится дворец» появляется образ пророка Исайи, в чьих пророчествах содержится перечисление городов Мо-

авитских, которые будут опустошены и будут рыдать, а сердце самого пророка отзывается сочувствием плачу Моавитян. Пробштейн строит свое стихотворение аналогично, чтобы в итоге заключить: «и сам Господь, окутан крематорским дымом, / в слезах склонится над народом, Им хранимым» [7, с. 93]. В отличие от священных текстов, в поэтических строках Яна Пробштейна сквозит нескрываемая, хотя и горькая ирония.

И последнее. В книге не имеет названия только один текст «Все начинается с печенья» (1990), в содержании это *как бы название* взято в кавычки. Стихотворение помещено автором в условный детский корпус стихов, в то время, когда «все начинается с печенья». Предшествует этому тексту другой – под названием «Привкус детства» (1990). Оба текста объединены этим привкусом, объединены нераздельно, нерасторжимо в общее – вкусовое (напоминающее классический эпизод из романа Марселя Пруста) воспоминание о питье чая. Это воспоминание наполнено роскошным зрительным образом «липы в буклях голова», и тут же рядом – «полуистлевший аромат» [7, с. 13], которому нет и, наверное, не может быть названия. Следует отметить, что детские и биографические сюжеты представлены в книге тремя условными блоками: это собственно детские воспоминания («Из детства», 1970; «Двор, утопающий в зелени», б/д; «Привкус детства», 1990; «Все начинается с печенья», 1990; «Книга-парус», 1994; «Крапивный ожог», 1990; «В поисках Атлантид», 1994), соприкосновение с родиной предков («Краков», 1988; «Перемышль», 1988; «Дом», 1988; «Слово “родина”», 1989; «Бабушка», 2014), воспоминание о родителях («Семейная фотография», 1994; «Зияют фотографии в альбомах», 1993; «Отцу», 1977; «Памяти отца», 1984). Здесь названия предельно точно передают содержание стихов, в которых тихая грусть, иногда с иронией, перемежается с болью утраты.

Книга стихов Яна Пробштейна – яркое художественное свидетельство того, что в современной культуре именованию не утратило своей актуальности, продолжая выполнять смысловые и образные функции, заданные (в данном случае) текстом и изображением на обложке.

Библиографический список

1. Гаспаров, М. Л. «Грифельная ода» Мандельштама: история текста и история смысла [Текст] / М. Л. Гаспаров // *Philologica*. – 1995. – Т. 2. – № 3/4. – С. 153-198.
2. Когда Ану сотворил небо. Литература древней Месопотамии [Текст] / под общ. ред. И. М. Дьяконова и В. К. Афанасьевой. – М. : Алетея, 2000. – 456 с.
3. Мандельштам, О. Э. Сочинения : в 2 т. Т. 1. Стихотворения. Переводы [Текст] / вступ. статья С. С. Аверинцева ; подгот. текста и комм. А. Д. Михайлова, П. М. Нерлера. – М. : Художественная литература, 1990. – 638 с.
4. Махов, А. Е. Эмблематика. Макрокосм [Текст] / А. Е. Махов // *Культурология*. – 2016. – № 3. – С. 118–122.
5. Мифы народов мира. Энциклопедия : в 2 т. Т. 2. К-Я [Текст] / гл. ред. С. А. Токарев. – М. : Советская энциклопедия, 1988. – 719 с.
6. Платон. Кратил [Текст] // Платон. Собрание сочинений : в 4 т. Т. 1 / общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса, А. А. Тахо-Годи. – М. : Мысль, 1990. – С. 613-681.
7. Пробштейн, Я. Две стороны медали. Книга стихов. Я. Пробштейн [б. м.] : Издательские решения, 2017. – 172 с.

Reference List

1. Gasparov, M. L. «Grifel'naja oda» Mandel'shtama: istorija teksta i istorija smysla = «The slate ode» by Mandelstam: history of the text and history of the sense [Tekst] / M. L. Gasparov // *Philologica*. – 1995. – T. 2. – № 3/4. – S. 153-198.
2. *Kogda Anu sotvoril nebo. Literatura drevnej Mesopotamii = When Ana created the sky. Literature of Ancient Mesopotamia* [Tekst] / pod obshh. red. I. M. D'jakonova i V. K. Afanas'evoj. – M. : Aleteja, 2000. – 456 s.
3. Mandel'shtam, O. Je. Sochinenija : v 2 t. T. 1. Stihotvorenija. Perevody = Compositions : in 2 volumes. V. 1. Poems. Translations [Tekst] / vstup. stat'ja S. S. Averinceva ; podgot. teksta i komm. A. D. Mihajlova, P. M. Nerlera. – M. : Hudozhestvennaja literatura, 1990. – 638 s.
4. Mahov, A. E. Jemblematika. Makrokosm = Emblems. Macrocosmos [Tekst] / A. E. Mahov // *Kul'turologija*. – 2016. – № 3. – S. 118–122.
5. *Mify narodov mira. Jenciklopedija : v 2 t. T. 2. K Ja = Myths of world peoples. Encyclopedia : in 2 volumes. V. 2. K-Ya* [Tekst] / gl. red. S. A. Tokarev. – M. : Sovetskaja jenciklopedija, 1988. – 719 s.
6. Platon. Kratil = Platon. Kratil [Tekst] // Platon. Sbranie sochinenij : v 4 t. T. 1 = Platon. Collection works : in 4 volumes / obshh. red. A. F. Loseva, V. F. Asmusa, A. A. Taho-Godi. – M. : Mysl', 1990. – S. 613-681.
7. Probshtejn, Ja. Dve storony medalj. Kniga stihov = Two sides of the medal. Book of verses. Ja. Probshtejn [b. m.] : Izdatel'skie reshenija, 2017. – 172 s.